KHODYAKOV M.V.

MATERIALS OF ESTONIA STATE ARCHIVE AS A SOURCE FOR THE STUDY OF FOREIGN PRISONERS OF WAR OF WORLD WAR II IN THE CAMPS OF THE NKVD-MVD ESSR HISTORY. 1944-1949

М.В. ХОДЯКОВ

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭСТОНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД ЭССР. 1944–1949 гг.

Annotation / Аннотация

This article analyzes the information capabilities of documents, postponed in the funds of the State Archives of Estonia, and reflecting the history of foreign POWs in NKVD-MVD on the territory of this Republic. The author concludes that the folding and functioning of the system of camps in Estonia had its own peculiarities. Their analysis allows to highlight a number of issues,

«Russian captivity».

В статье анализируются информационные возможности документов, отложившихся в фондах Государственного архива Эстонии, и отражающих историю нахождения иностранных военнопленных в лагерях НКВД-МВД на территории этой республики. Автор приходит к выводу о том, что складывание и функционирование системы лагерей в Эстонии имело свои особенности. Их анализ позволяет по-новому осветить ряд проблем «русского плена».

Keywords / Ключевые слова

Source, archive, prisoner-of-war Camps, Estonia, 1944–1949, Estonian State Archive.
Источник, архив, лагеря военнопленных, Эстония, 1944–1949 гг., Государственный архив Эстонии.

ХОДЯКОВ Михаил Викторович – заведующий кафедрой новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; 9921-563-44-07; khodjakov@yandex.ru

Иностранным военнопленным Второй мировой войны, оказавшимся в лагерях НКВД-МВД СССР, посвящен ряд документальных публикаций. Особое место среди них занимает фундаментальный труд, подготовленный под редакцией профессора М.М. Загорулько . Откликаясь на это важное событие, член-корреспондент РАН В.П. Козлов заметил, что

главной целью авторов книги было представить ранее неизвестный и недоступный массив ретроспективной документации по проблеме военнопленных. Вместе с тем, по его мнению, составителям оказалось недоступно «ненаблюдаемое множество документальных отложений по теме», остающихся сегодня засекреченными в соответствии с законодательством РФ. Таким образом, важнейшая документальная публикация испытала на себе «деформационные воздействия, связанные с нарушением принципа максимума документальной публикации, требующим максимально полного выявления для нее документов…»

В этой связи особый интерес представляют фонды Государственного архива Эстонии в Таллинне (ERAF) , содержащие материалы о лагерях военнопленных на территории республики, незадолго до этого включенной в состав Советского Союза. Данные материалы полностью рассекречены, доступны исследователям и вводятся в научный оборот . В сочетании с документами РГВА (Ф. 491 п – Учреждения по делам военнопленных и интернированных МВД Эстонской ССР и Ф. 1 п – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР) они позволяют выявить специфику формирования лагерей на территории Эстонии и охарактеризовать особенности их функционирования в 1944–1949 гг.

Сегодня известно, что в октябре-декабре 1944 г. в Эстонии дислоцировалось несколько сборных пунктов военнопленных (СПВ) Ленинградского фронта: № 1 в Кохтла-Ярве, на базе которого был сформирован лагерь № 289, а № 2 в – Таллине, на основе которого возник лагерь № 286. В г. Валга располагался фронтовой приемно-пересыльный лагерь № 57 (ФППЛ) 3 Прибалтийского фронта, имущество и часть личного состава которого вместе с контингентом были переданы лагерю № 287. Помещениями для организуемых лагерей служили в основном бараки, построенные немцами в период их нахождения в Эстонии . Значительное поступление вражеских военнопленных в лагеря началось в феврале 1945 г. и продолжалось «неослабевающими темпами» вплоть до октября 1945 г.

Характерной особенностью создания сети лагерей в Эстонии стало активное участие в этом процессе партийного руководства. Архивные материалы позволяют детально проследить процесс наполнения лагерей. По мере определения задач восстановления экономики Эстонии возрастало и количество военнопленных в лагерях. Так, на 1 января 1945 г. в лагерях № 286, 287 и 289 содержалось всего 1 988 военнопленных , принятых в декабре 1944 г. от СПВ и ФППЛ. Однако уже в декабре 1944 г. Совнарком и ЦК КП (б) республики «для удовлетворения потребностей в рабочей силе сильно разрушенного войной народного хозяйства Эстонии», представили заявку в НКВД СССР «на завоз в республику» 41 000 военнопленных. В мае 1945 г. заявка была увеличена до 90 000 человек. В соответствии с этими заявками в дополнение к военнопленным, уже содержавшимся в ранее организованных лагерях, в Эстонию было завезено в конце первого – в начале второго квартала 1945 г. – 35 000 чел., а во втором полугодии 1945 г. еще 25 000 военнопленных.

Представление об общем количестве узников войны, находившихся в лагерях Эстонии в 1945 г., дают постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 4 июня (№ 8921) и от 10 июня 1945 г. (№ 9049). Они содержали указание на распределение 69 000 военнопленных следующим образом: 54 000 (78,2 %) предназначались для удовлетворения потребностей Наркоматов союзного подчинения, а 15 000 чел. (21,8 %) передавались в распоряжение «республиканского правительства» .

Вопросы распределения спецконтингента по отраслям промышленности и конкретным объектам оставались в сфере внимания руководителей послевоенной Эстонии на протяжении всего периода существования лагерей на территории республики. По проектам НКВД ЭССР, составленным на основе решений и указаний ЦК КП (б) Эстонии и правительства республики, НКВД СССР организовал лагеря в пос. Ахтме (№ 135), г. Кивиыли (№ 279), г. Нарва (№ 206), г. Таллин (№ 392), г. Тарту (№ 331) и г. Пярну (№ 332). Все важнейшие вопросы организации и трудового использования военнопленных вплоть до 1947 г. включительно получали свое разрешение или уточнение в соответствующих постановлениях ЦК КП (б)Э и СМ ЭССР, на заседаниях которых докладчиками, как правило, выступали представители от руководства МВД Эстонии.

Эстонский исследователь Д. Всевиов объясняет интерес Москвы к северо-востоку ЭССР существовавшей возможностью организовать здесь производство урана из сланца. В Кремле будто бы исходили из наличия небольшого на тот момент времени количества разведанных и богатых ураном месторождений, серьезно обсуждая вопрос о создании в регионе сырьевой базы для атомной промышленности .

Материалы ERAF наглядно демонстрируют тот факт, что в первые послевоенные годы восстановлением этой части Эстонии активно занимались не столько мигранты из России, сколько тысячи немецких военнопленных, распределенных по 9 лагерям, существовавшим на территории маленькой республики с 1944 по 1949 г. Всего за эти годы в Эстонию прибыло из лагерей и органов, не подчиненных ОПВИ (Отдел по делам военнопленных и интернированных) 73 194 военнопленных. Приводимые данные не учитывают движения военнопленных внутри республики (свыше 90 000 чел.) , их передач из лагеря в лагерь, вызванных организационными изменениями, необходимостью более эффективного использования труда, а также удовлетворением заявок наркоматов и ведомств. Задачи восстановления экономики Эстонии привели к тому, что, начиная с 1947 г., военнопленные в основном концентрировались в лагерных отделениях сланцевого бассейна (лагеря №№ 135 и 289) и в Таллине (№ 286), где велись большие строительно-восстановительные работы.

История иностранных военнопленных в Эстонии находит отражение в целом ряде фондов, среди которых необходимо выделить: фонды НКВД-МВД Эстонии и его секретариата (Ф. 17 и Ф. 17 SM), а также управлений лагерей (Ф. 7 ASM – лагерь № 331, Ф. 9 ASM – лагерь № 286, Ф. 10 ASM – лагерь № 287, Ф. 11 SM – лагерь № 279, Ф. 12 ASM – лагерь № 289, Ф. 13 SM – лагерь № 135, Ф. 14 SM – лагерь № 332, Ф. 15 SM – лагерь № 392) и документы спецгоспиталя № 1011 (Ф. 16 ASM). Эти материалы позволяют осветить целый комплекс проблем «русского плена»: от трудового использования, медицинского обеспечения, количества побегов и уровня смертности

военнопленных до их лагерного быта.

Несомненный интерес представляют документы, отражающие динамику побегов военнопленных, а также комплекс мер, предлагавшихся лагерным руководством для борьбы с этим явлением, которое в Эстонии имело свои яркие особенности. Очевидно, что одной из основных причин роста побегов в 1945–1946 гг. стало резкое увеличение численности военнопленных, а также количества лагерей, в которых они содержались, и, как следствие, слабое укомплектование лагерей личным составом. Конвойных войск для конвоирования и охраны военнопленных на рабочих объектах явно не хватало. Тяжелые условия жизни и работы усугубляли ситуацию. В результате из лагерей Эстонии было совершено 1 054 успешных побега. По меньшей мере, 98 военнопленных были убиты в процессе совершения побегов или в ходе задержания.

Пытаясь проанализировать складывавшуюся ситуацию, начальник управления лагеря № 289 майор Манышев 31 июля 1946 г. подписал приказ, в котором был вынужден констатировать: «Побеги военнопленных стали повседневным явлением» . Только за июль из лагеря совершили побег 17 военнопленных. Стремясь положить конец повальному бегству военнопленных, он обязал начальников лагерных отделений «изучать причины, способствующие побегам». Особое внимание следовало обратить на общение военнопленных с гражданским населением, отсутствие ограждений на объектах работ, слабое освещение, недостаточно жесткий пропускной режим, огрехи в несении службы охраной.

Однако ситуация с побегами оставалась тревожной и после этого. В декабре 1946 г. начальник управления лагеря № 289 издал приказ «Об улучшении службы по охране и режиму военнопленных в зонах лаготделений и на производстве и недопущению побегов военнопленных». Появление приказа было вызвано тем, что только за ноябрь и декабрь 1946 г. из лагерных отделений совершили побег 16 военнопленных . По мнению

руководства лагеря, офицерский и вахтерский состав лагерных отделений вместо повышения бдительности и ответственности «встал на путь излишней доверчивости к военнопленным, … примирился с побегами» и не принимал активных мер к их предотвращению. О побегах военнопленных становилось известно не сразу, оперативные группы на их розыск высылались с опозданием. Но даже в тех случаях, когда они отправлялись на поиски беглецов, нередко были вынуждены возвращаться без результатов.

Отчетные материалы свидетельствуют о том, что большинство военнопленных были задержаны органами НКВД-МВД в южных уездах Эстонской ССР, а также в Латвийской и Литовской ССР. Рост побегов лагерное руководство было склонно объяснять преимущественно тем, что Эстония являлась пограничной республикой, «а поэтому вероятность успеха в побеге военнопленному казалась реальной». Руководство МВД признавало, что поддержку беглецам оказывало «местное население эстонской национальности», которое предоставляло военнопленным ночлег, пищу, гражданскую одежду, а также указывало наиболее безопасный путь дальнейшего движения .

Без сомнения, одной из главных причин, способствовавших побегам военнопленных, была существовавшая для них возможность часто беспрепятственно общаться с гражданским населением. Для недопущения этого действовавшая в лагерях агентурная сеть должна была «полностью прикрыть все производственные объекты и в частности связанные с работой на крупных стройках и заводах, где охрана военнопленных затруднена» . Только в одном лагере, располагавшимся в Кохтла-Ярве, за четвертый квартал 1948 г. силами агентуры был предотвращен «31 готовящийся побег» .

Вероятно, определенная часть бежавших военнопленных оказывалась в рядах «лесных братьев». Некоторые российские исследователи упоминают о том, что в отрядах прибалтийских партизан встречались «немецкие военные» . Часть современных

эстонских авторов склонна считать, что к лагерям проявляли интерес подпольщики, налаживавшие связи с лагерными служащими, помогавшими организовывать побеги: «Бежавших ждали места укрытия, одежда, пайки, деньги на первое время. Далее бывшие военнопленные переправлялись в леса, где они продолжали борьбу за свободу в составе групп лесных братьев» .

Действительно, архивные материалы свидетельствуют о существовании подпольных организаций, некоторые из которых будто бы даже располагали «большими средствами и связями», дающими возможность освобождать арестованных из тюрем и способствовать побегам военнопленных из лагерей. Правда, многие из этих организаций находились под пристальным вниманием советских спецслужб. Так, весной 1946 г. органы внутренних дел активно разрабатывали агентурное дело «Рыцарь». Одним из его фигурантов был немецкий матрос Петер Хаген (он же Петер Цварт), проживавший на нелегальном положении в Таллине, и некоторое время находившийся в местечке Кохила «в банде», ведущей борьбу за освобождение Эстонии. На основании данных спецагента «Илона» П. Хаген был арестован и водворен в лагерь № 286. Находясь там, он рассказал «подведенному» к нему агенту «Штейн» о своих связях на воле. В целях разработки и выявления других связей П. Хагена агенту «Штейн» 17 мая 1946 г. был организован побег из лагеря. От П. Хагена «Штейн» получил явки и некоторое время скрывался в Таллине у своих новых знакомых. Они обещали ему достать документы (голландский или бельгийский паспорт), вручили пистолет «ТТ» и сообщили о возможности с помощью капитана рыболовного судна за вознаграждение попасть на шведский остров Гогланд.

Анализ добытых агентурных и следственных материалов позволил заместителю начальника лагеря № 286 по оперативной работе капитану Ленскому сделать вывод о наличии контрреволюционного «подпольного формирования, имеющего связи с банд-повстанчеством и ориентирующегося на кадры военнопленных» .

Примерно в это же время органы МВД сразу от нескольких лагерных агентов получили сведения о том, что на электростанции, где работали военнопленные, неизвестный занимается их «вербовкой в банды». В отношении одного из военнопленных по фамилии Суппер прямо сообщалось, что «ему сделано предложение уйти к бандитам». 28 июня 1946 г. агент «Кох» доносил, что военнопленный Суппер планирует совершить побег, твердо решив «уйти в банду, мотивируя это тем, что ему нечего терять». Готовясь к побегу, Суппер достал пистолет и патроны, обзавелся самодельной рацией, компасом и холодным оружием. Вооружиться военнопленному помогла безалаберность хозяйственного отдела, который привлек 8 человек военнопленных «чистить оружие всех систем» без какого-либо надзора. В итоге Суппер получил возможность «выбрать себе хороший немецкий пистолет 08 с коротким стволом», спрятать его и беспрепятственно пронести в лагерь .

Несмотря на некоторое количество агентурных дел, отложившихся в фондах ERAF, и свидетельствующих о склонности узников войны к побегам, сколько-нибудь серьезно говорить о том, что пополнение отрядов «лесных братьев» Эстонии происходило за счет бывших военнопленных, нет достаточных оснований.

Комплекс документов Таллиннского архива открывает возможность осветить такую малоисследованную проблему, как деньги и черный рынок в лагерях военнопленных. Известно, что уже в директиве Управления по делам военнопленных НКВД СССР от 25 сентября 1939 г. в лагерях предусматривалась возможность пользоваться личными деньгами. В тот момент военнопленным разрешалось иметь на руках до 100 руб. в месяц, которые они могли использовать для приобретения в ларьках лагерей продуктов, одежды, белья, обуви и других предметов личного обихода и первой необходимости. Постепенно денежные выплаты в лагерях стали рассматриваться советским руководством как один из рычагов для более активного трудового использования военнопленных.

Однако потратить деньги в лагерях оказывалось нелегко. Заместитель начальника управления лагеря № 135 капитан Кошевой в своей докладной записке, направленной в особую часть ОПВИ МВД ЭССР весной 1946 г., сообщал, что военнопленные, получив заработанные деньги, не могли их израсходовать, так как в лагере не было ларьков. По его мнению, это обстоятельство подрывало «стимул в повышении производительности труда…» Постепенно ситуация с сетью ларьков в лагерях будет меняться. В том же лагере (в соответствии с данными о продажах за 1948–1949 гг.) упоминалось 25 наименований продуктов, отпускавшихся военнопленным через ларьки: хлеб, маргарин, сало, мясо, рыба, мука, крупа, макароны, молоко, конфеты, сахар, яйца, картофель, овощи, печенье, колбаса, сыр, творог, кофе, чай, папиросы, спички и т.д.

В некоторых лагерях ситуация с ларьками изменилась гораздо раньше. Так, в отчете об антифашистской работе за второй квартал 1946 г. в лагере № 331 (г. Тарту) указывалось на «открытие продовольственных ларьков в зонах, где можно приобрести: пиво, водку, колбасу и прочие необходимые (первой необходимости) вещи» .

Вместе с тем, идеализировать ситуацию с продовольственным снабжением в лагерях военнопленных нет необходимости. Примером тому может служить приказ, изданный в июне 1947 г. начальником управления лагеря № 287 (г. Валга) капитаном К.Т. Богомоловым. В нем говорилось о падении дисциплины среди военнопленных и расцвете в лагере «обменной спекуляции». Управление лагеря поставило задачу перед всеми лагерными отделениями «в кратчайший срок… ликвидировать “черный рынок” в зонах». Понимая, что одними лишь запретительными мерами эту проблему не решить, лагерное начальство распорядилось «открыть ларьковую сеть». Причем, сделать это предполагалось «организованным путем на деньги военнопленных» через хозяйственные органы, либо путем закупки продуктов и других вещей, необходимых для личного пользования военнопленных. Приказ начальника управления лагеря свидетельствовал о том, что ларьковой сети в лагере до этого времени просто не существовало .

В отдельных случаях наличие денег на руках у военнопленных отражалось на взаимоотношениях между теми, кто находился по разные стороны колючей проволоки. Так, 11 сентября 1945 г. начальник управления лагеря № 332 (г. Пярну) майор И.Н. Пугачев был вынужден указать начальнику лагерного отделения № 2 гвардии капитану В.Я. Данилову на вопиющий факт: «Офицеры вашего отделения дошли до крайней точки унижения, что стали брать в долг деньги у военнопленных». Начальника управления лагеря задело и то, что советские офицеры, взяв деньги в долг у военнопленного Карла Шумана, деньги эти ему так и не вернули. Капитан Н.А. Горлов, выполнявший обязанности начальника санчасти лагерного отделения, позаимствовал у военнопленного 10 руб., гвардии лейтенант В.Д. Понтус, являвшийся начальником продовольственного и фуражного снабжения отделения – 135 руб., капитан Б.Г. Макаренко, возглавлявший учетный отдел – 7 руб. Нельзя не отметить предприимчивость военнопленного, который давал взаймы «нужным» офицерам, а когда те не вернули долг, по всей видимости, обратился к руководству лагеря. В результате начальник управления лагеря справедливо указал всему офицерскому составу на недопустимость подобных поступков, «унижающих звание советского офицера» .

Большое значение в жизни военнопленных занимала переписка. Она серьезно влияла на настроение узников войны, которое, в свою очередь, в немалой степени определяло их трудовую активность. Материалы ERAF позволяют не только проследить собственно процесс организации переписки военнопленных с родными, находившимися в разных зонах оккупации Германии, но и увидеть перемены в их настроениях в связи с ожидавшейся, но затягивавшейся репатриацией. Следует отметить, что руководители лагерей прекрасно понимали значение переписки для военнопленных, и старались в меру своих возможностей организовывать этот процесс. Так, 29 апреля 1946 г. на совещании всего внутрилагерного самоуправления лагеря № 279 (коменданты, командиры рот военнопленных, переводчики и т.д.) обсуждалась идея, которую некоторое время вынашивало советское руководство – введение отпусков для поездок на родину передовиков производства, возможность вызова в СССР семей военнопленных и т.д. Поскольку в итоге от этой затеи в верхних эшелонах власти было решено отказаться, уже в мае 1946 г. настроение военнопленных в лагере характеризовалось, как «взбудораженное». На это обстоятельство накладывалось «неправильное начисление заработной платы, когда лучшие работники или получили меньше худших, или вовсе не получили ничего» .

Напряженную ситуацию частично смягчала переписка. В лагере № 279 за второй квартал 1946 г. военнопленные смогли отправить на родину 4 831 почтовую карточку, одновременно получив 1 626 от родных. Письма, содержавшие положительные оценки деятельности советской военной администрации в Восточной Германии, активно использовались в пропагандистских целях. Так произошло с карточкой, адресованной военнопленному лагерного отделения № 3 (мелкому крестьянину), в котором его жена сообщала о том, что «получила лошадь в подарок от Красной Армии» .

Однако в целом количество почтовых карточек, которое в 1945 и 1946 гг. имелось в распоряжении руководителей лагерей, было значительно меньше требуемого. Не случайно руководители лагеря № 279 информировали в мае 1946 г. начальника особой части ОПВИ МВД ЭССР о том, что военнопленные «не имеют до настоящего времени возможности писать один раз в месяц домой, не говоря уже о том, чтобы в целях поощрения дать им возможность писать дважды в месяц». Из лагеря № 289 в мае 1946 г. сообщали еще определеннее: «В настоящее время лагерь почтовых карточек не имеет» . Положение с перепиской военнопленных коренным образом изменится лишь в 1947 г., когда в августе из Москвы будет получено 650 тыс. почтовых карточек для военнопленных. Начальник ОПВИ МВД ЭССР даже вынужден будет после этого направить в Москву официальное письмо следующего содержания: «В дальнейшем просим Вас почтовых карточек для военнопленных в наш адрес не высылать, т.к. мы имеем указанных карточек в достаточном количестве» .

Таким образом, проблема переписки перестала носить столь острый характер. Для военной цензуры появилось больше возможностей фиксировать «характерные выдержки из писем положительного характера», конфисковать «письма отрицательного содержания», выявлять перемены в настроении военнопленных не только в лагерях Эстонии в связи с переносом сроков репатриации на 1949 г., но и в западных зонах оккупации Германии.

Наконец, фонды ERAF позволяют уточнить показатели смертности в лагерях на территории Эстонии, составившие 4,8 % от общего количества военнопленных. К слову, эти данные значительно ниже уровня смертности в лагерях соседних Ленинграда и Ленинградской области (11,3 %). Отложившиеся в фондах Государственного архива Эстонии кладбищенские книги и «паспорта кладбищ» позволяют определить количество мест захоронений, их расположение, определить национальную принадлежность умерших военнопленных . Сопровождающие эти материалы отчеты о медицинском обеспечении и трудовом использовании узников войны, остаются не только напоминанием о трагических страницах первых послевоенных лет, но и свидетельствуют о вкладе военнопленных в дело восстановления разрушенной экономики ЭССР.

Список литературы

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000.

Козлов В.П. Документальная публикация «Военнопленные в СССР. 1939–1956» как археографический успех // Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М.: РОССПЭН, 2001.

E. Kaup. S?javangilaagrid Eestis 1944–1949 // Kleio. Ajaloo ajakiri. Tartu ?likooli ajaloo osakonna ajakiri. 1995, nr. 2, lk. 32–41.

P. Kaasik. Prisoner-of-War Camps in Estonia in 1944–1950 // Estonia Since 1944. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity; [compiled by T. Hiio ... et al.; edited by T. Hiio, M. Maripuu and I. Paavle. Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus. Tallinn, 2009, lk. 45–80.

Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОСПЭН, 2008.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .